

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 316.454

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

Исследование самоидентификации этнических русских в Китае на примере региона Хулунбэйр

¹ Кун Вэйжань,
¹ Сибирский федеральный университет

Аннотация: исследование самоидентификации этнических русских в Китае, особенно в регионе Хулунбэйр, представляет собой интересную тему, учитывая уникальное историческое и культурное взаимодействие между русскими и китайцами в этом районе. Хулунбэйр, расположенный на северо-востоке Китая, граничит с Монголией и Россией, и имеет богатую историю миграции и смешанных культур. Исследование самоидентификации этнических русских в Хулунбэйре может дать ценную информацию о том, как миграция и культурные взаимодействия формируют идентичность в современном мире. Это также может помочь понять, как этнические меньшинства адаптируются и сохраняют свою уникальность в условиях глобализации и изменения культурных норм.

Ключевые слова: этнические русские в Китае, самоидентификация, Хулунбэйр

Для цитирования: Кун Вэйжань Исследование самоидентификации этнических русских в Китае на примере региона Хулунбэйр // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 49 – 54. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

A study of ethnic Russian self-identification in China using the example of the Hulongbair region

¹ Kong Weiran,
¹ Siberian Federal University

Abstract: a study of ethnic Russian self-identification in China, especially in the Hulunbeir region, is an interesting topic given the unique historical and cultural interactions between Russians and Chinese in this area. Hulunbeir, located in northeastern China, borders Mongolia and Russia, and has a rich history of migration and mixed cultures. A study of ethnic Russian self-identification in Hulunbeir can provide valuable insights into how migration and cultural interactions shape identity in the modern world. It can also help understand how ethnic minorities adapt and maintain their uniqueness in the face of globalization and changing cultural norms.

Keywords: ethnic Russians in China, self-identification, Hulunbeir

For citation: Kong Weiran A study of ethnic Russian self-identification in China using the example of the Hulongbair region. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 49 – 54. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

The article was submitted: September 20, 2024; Approved after reviewing: November 19, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Ответ на вопросы о том, кто я, откуда и с кем, — это самоидентификация. В смешанных китайско-русских семьях самоидентификация — гораздо более многогранный вопрос. В районе Хулунбэйр китайской Внутренней Монголии, расположенном на границе между Россией и Китаем, проживает половина этнических русских в Китае, так идентифицируют ли они себя как русские? [3, с. 12].

Материалы и методы исследований

Основные аспекты исследования:

1. Исторический контекст;
2. Изучение истории русской миграции в регион, начиная с XIX века, когда русские начали осваивать восточные территории;
3. Влияние исторических событий, таких как революция 1917 года и Гражданская война, на русское население в Китае;

Культурная идентичность:

1. Как этнические русские определяют свою идентичность в контексте китайского общества;
2. Роль языка, традиций, религии и обычаев в формировании самоидентификации;
3. Влияние русской культуры на местное население и наоборот.

Социальные аспекты:

1. Взаимоотношения между этническими русскими и китайцами в Хулунбэйре;
2. Участие русской общины в местной экономике, образовании и политике;
3. Проблемы интеграции и ассимиляции.

Современные вызовы [1, с. 96].

1. Влияние глобализации и миграционных процессов на самоидентификацию;
2. Вопросы прав и статуса этнических русских в Китае;
3. Роль современных технологий и социальных сетей в поддержании культурной идентичности.

Методы исследования:

1. Полевая работа, включая интервью с представителями русской общины;
2. Анкетирование для выявления мнений и установок по вопросам идентичности;
3. Анализ культурных артефактов, таких как музыка, литература и искусство.

Результаты и обсуждения

1. Самоидентификация и ее историографические рамки.

Понятие «идентификация» впервые введено в научный оборот Зигмунд Фрейдом в 1921 г. в эссе «Психология масс и анализ Я». Каждый индивид, по мнению Зигмунд Фрейда, человек строит свой

идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. «В современном мире... культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий», — отмечает С. Хантингтон. С тех пор уже более ста лет люди разных национальностей на пересечении мировой и личной истории ищут на пути «кем я мог бы быть» и «кем я должен быть» и получают ответ: «Поэтому я — это я».

Самоидентификация в контексте историографии включает в себя следующее [6, с. 210]:

1. Конструирование идентичности: самоидентичность в контексте историографии занимается тем, как она формируется и развивается в различные исторические периоды и культурные контексты, выявляя, как на идентичность отдельных людей и групп влияют социальные, политические и экономические факторы.

2. Культурная память: самоидентичность тесно связана с коллективной памятью. Исторические события, традиции и культурные символы играют важную роль в формировании групповой самоидентификации, влияя на понимание людьми прошлого и их ожидания на будущее.

3. Разнообразие и интеграция: в контексте глобализации и миграционных тенденций историография самоидентичности способствует пониманию культурного взаимообогащения и формирования множественных идентичностей, а также того, как эти идентичности влияют на социальную динамику и культурные обмены.

4. Социальные изменения: эволюция самоидентичности отражает процесс социальных изменений, и историография выявляет изменения в общественных ценностях, убеждениях и поведенческих моделях через изучение самоидентичности на разных исторических этапах.

Историографическая концепция самоидентичности не только помогает понять процесс формирования идентичности индивидов и групп, но и обеспечивает важную перспективу для анализа социальных изменений и культурного взаимодействия.

Энтони Смит утверждает, что национальная идентичность основывается на общей истории, культуре и языке, и подчеркивает важность «исторической памяти» нации для формирования национальной идентичности.

Изучение самоидентичности в историографии не только способствует пониманию процесса формирования идентичности индивидов и групп, но и обеспечивает важную перспективу для анализа социальных изменений, культурных взаимодействий и властных отношений. Эти исследования помогают нам лучше понять сложность самоидентификации и ее историческое значение. Так, в самоидентификации, поскольку существует как индивидуальность, так и группа, есть влияние семейной истории на личность, а также влияние группы или среды, в которой человек живет, например, государства и социальной идентичности. Это особенно ярко проявляется среди этнических русских в регионе Хулунбэйр [9, с. 185].

Этнические русские в районе Хулунбэйр в Китае и история формирования русской общины в районе Хулунбэйр.

Этнические русские или те, кого можно назвать китайскими русскими – одно из 55 этнических меньшинств, признанных китайским правительством. По данным Седьмой всекитайской переписи населения 2020 года, в стране насчитывается около 16 136 этнических русских. Из них 8 935 человек проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, 5 020 – в автономном районе Внутренняя Монголия и 4 741 – в Хулунбэйре. Русский этнический поселок Энхэ в городе Эргуня, находящийся под юрисдикцией города Хулунбэйр, – единственный русский этнический поселок в Китае, в котором проживает 1 075 этнических русских.

Город Хулунбэйр теперь управляется Хайларским районом, городом Маньчжоули, городом Якэси, городом Залантун и городом Эргуна. Город Эргуна находится под юрисдикцией Лабдалин, русские этнические поселки Санхэ (На русский язык часто переводится как Трёхречье) и Энхэ и так далее.

В данной работе рассматриваются этнические русские из региона Хулунбэйр.

История формирования русской общины в районе Хулунбэйр.

В истории русской миграции в Китай было четыре периода: русские, переселившиеся в Китай с конца XVII по конец XIX века; русские древлеправославной веры, переселившиеся в Синьцзян с конца XVIII по начало XIX века, спасаясь от религиозных преследований, известные как гиргаки; русские, переселившиеся в Китай в XIX веке; русские из Советского Союза (СССР), переселившиеся в Китай с момента Октябрьской революции до 1930-х годов. Наибольшее количество людей эмигрировало в Китай в XIX веке, а также до и после Октябрьской революции в России [4, с. 72].

В конце XIX – начале XX века из-за проницаемости российско-китайской границы жители Китая и России могли перемещаться через границу. Между русскими и китайскими деревнями по обе стороны реки Эргунар часто происходили обмены, а некоторые русские девушки приезжали на китайскую сторону границы в поисках трудолюбивых молодых людей, за которых можно было бы выйти замуж. Это было особенно заметно, когда я беседовала с этническими русскими в Энхэ, Мурове и Линьцзяне. Интервьюируемые не были любопытны в отношении китайско-русских браков старшего поколения, у некоторых семей были родственники, живущие в деревнях за рекой Эргунь.

В то время, когда русские переселялись в Китай, в Хулунбэйре, автономном районе Внутренняя Монголия, на границе с Россией, была целая армия молодых рабочих с Центральных равнин и китайских рабочих, оставшихся в приграничной зоне после строительства КВЖД, которые жили по обе стороны реки Эргунь, жили с русскими, работали лоточниками, золотоискателями и пр. Они занимались мелкой торговлей, добычей золота и другими работами или нанимались к русским в качестве рабочих.

Примерно в 1920-х годах только по реке Эргуня более 1000 русских женщин вышли замуж за китайцев. Русские, которые сейчас живут в районах Энхэ и Мурове, являются потомками этих семей.

Самоидентификация этнических русских в Хулунбэйре.

В начале создания Китайской Народной Республики этнический состав русских был объявлен ханьским, а после 1980-х годов и до четвертой всекитайской переписи населения 1990 года часть потомков китайско-русских межнациональных браков на Северо-Востоке стала возвращать свой этнический состав в русский. С тех пор заявления смешанных китайско-русских потомков о смене этнического состава с ханьского на русский не одобрялись правительством [7, с. 184].

Я рассматриваю следующие три основных аспекта этнической самоидентификации русских в районе Хулунбэйр: сохранение этнических обычаев, знание истории своей семьи и сохранение семейных архивов, а также использование и передача русского языка.

Русские в регионе Хулунбэйр сохранили свои национальные обычаи.

Они придерживаются некоторых русских кулинарных традиций, таких как приготовление русской выпечки, хлеба, борща, варенья и т.д. В районах, где живут этнические русские, и даже в та-

ких городах, как Эргуна и Хайлар, есть магазины, специализирующиеся на продаже русского хлеба и черничного варенья, которые пользуются популярностью у туристов и всего региона Хулунбэйр.

Следует отметить, что в последнее десятилетие с развитием туризма такие места, как Эньхэ, Шивэй и Линьцзян, стали туристическими центрами благодаря своим русским особенностям, а здания и бытовые обычаи в русском стиле стали местными туристическими достопримечательностями, что отчасти и послужило причиной их сохранения. Этнические русские, живущие в этих районах, сохранили больше обычаев жизни в русском стиле, – говорит Паша, живущий в Эньхэ, добавляя, что он приложил немало усилий, чтобы сохранить старый дом, в котором жила его мать во время масштабной кампании по сносу старых домов, организованной правительством три года назад, сохранив при этом интерьер, старомодные кухонные плиты и посуду. В этом доме он иногда принимает туристов [10, с. 192].

Будучи русскими, местные жители по-прежнему носят русские имена, и их внешний вид все еще имеет некоторые русские черты, особенно их жилая среда, которая по-прежнему представляет собой недавно построенные деревянные дома, а некоторые комнаты даже оформлены как русские семьи, чтобы привлечь туристов. Однако это только для привлечения туристов.

Жители других регионов, напротив, сохранили относительно немного фольклора. Например, Гао Сюй, этнический русский из Залантуна, и его братья и сестры не испытали никакого влияния на свою жизнь со стороны бабушки по материнской линии из России.

В деревне Энхе, где живут этнические русские, нет православной «церкви или религиозной организации, никто не проповедует, а верующие не читают Библию». В то же время из-за того, что город Эргуна является ханьским поселением, а также из-за того, что русские в основном являются потомками китайско-русских межнациональных браков, на них сильно повлияла ханьская культура. В Эньхэ осталась деревянная православная церковь, которая является одной из главных достопримечательностей города, хотя она не открыта, в ней никто не проповедует учение и никто не молится. Правительство поощряет этнических русских, живущих в городе, праздновать Пасху [2, с. 131].

Сюэ Лиань, этническая русская, живущая в городе Залантунь, за последние два десятилетия стала набожной христианкой, но не под влиянием своей бабушки по материнской линии из России, а

остальные члены ее семьи не придерживаются никаких религиозных убеждений.

Знание истории своей семьи и сохранение семейных архивов.

В настоящее время осталось очень мало русских из первого поколения иммигрантов в Китай, и большинство этнических русских в Китае – это второе, третье или даже четвертое поколение смешанного китайско-русского происхождения. Все, что им осталось, – это семейная история, рассказанная их родителями, бабушками и дедушками, да старые фотографии, которые передаются из поколения в поколение, становятся все более редкими.

Любаши (китайский: 李琳娜), чья семья относится к «Приезжим русским» (т. е. этническим русским, которым правительство выдало лицензию на демонстрацию русского образа жизни туристам), бабушка и дедушка по отцовской линии, оба из которых были русскими, рассказывали, что они приехали в Чжурвэй первыми. Дедушка и бабушка Любаши по материнской линии были русскими, родители родились в районе Трех рек в Ергуне, потом работали в лесном проектно-институте в Якши, а остальные родственники жили в Рабдалине. Это все, что она знает об истории своей семьи, да несколько фотографий, возможно, хранящихся у ее родителей [8, с. 77].

Сюэ Лиань хранит старую, поврежденную, а затем отреставрированную фотографию, на которой посередине стоит ее бабушка, русская, за ней – ее мама, а на руках у бабушки – ее брат. Ее бабушку зовут Марукся Баобаова, это имя они узнали, когда пошли в полицейский участок, чтобы получить справку о смене национальности с ханьской на русскую. До этого Сюэ Лиань не знала имени своей бабушки и никогда с ней не встречалась.

Гао Сюй видел свою бабушку один раз и только один раз. Это было в 1985 году, когда ее бабушка вернулась в Китай, чтобы навестить свою семью. Ее бабушка родилась в 1907 году, приехала в Китай в 1917 году, вышла замуж, родила детей и в 1950-х годах вместе с детьми уехала в Советский Союз. Родители Гао Сюя тоже хотели вернуться, но из-за изменившейся политической ситуации остались в Чжалантуне.

Возможно, эти этнические русские пока не могут четко рассказать об истории своей семьи, предоставить соответствующие фотографии или даже важные архивные документы, но в каждой из семей есть люди, которые их сохранили, например старшие сестры Сюэ Лиань и Гао Сюй, родители Любаши, хотя их немного и они недостаточно по-

дробны, но в каждой семье есть люди, которые сохранили эти важные семейные арифы.

Использование и передача русского языка этническими русскими.

А.Г. Янков в своей статье «Языческая идентичность русских китайцев Трехречья» приводит следующие данные опроса.

В своей статье «Языческая идентичность русских китайцев Трехречья» А.Г. Янков провел опрос 250 респондентов (17,86% от общей численности всех зарегистрированных русских), проживающих в пяти населенных пунктах Трехречья, и опросил 40 респондентов старшего возраста. Было проведено интервью с 40 пожилыми респондентами. Соответственно, задаваемые вопросы были связаны со степенью владения русским языком и сред использования русского и китайского языков у русских Трехречья.

Распределение значений данного вопроса относительно возраста респондентов показывает следующие результаты. В возрастной группе от 16 до 24 лет общаются на русском языке в семье – 41,9%, на работе (учебе) – 19,4%, совершенно не общаются на русском языке – 32,3%. В группе опрошенных от 25 до 35 лет большинство не общаются на русском языке – 51,9%, общаются в семье – 33,3%. В возрастной группе от 36 до 55 лет относительно большинство не общается на русском языке – 45,1%, в семье общаются на русском – 31,0%. В возрастной группе от 56 лет и старше 20,7% общаются на русском языке в семье, 19,7% – с друзьями, 33,3% – в семье и с друзьями и 23 % из них нигде не общаются по-русски. Данное распределение имеет статистическую значимость на уровне 0,000 при значении коэффициента Пирсона 0,24 [5, с. 79].

Сюэ Лиань и Гао Сюй из Залантуна, напротив, совсем не говорят по-русски, хотя Сюэ Лиань изучала его в средней школе.

Любаша все еще немного говорит по-русски, так как в 1995 году вместе с родителями ездила в Россию на два года обучения. Она говорит, что

если бы она была в Китае, то, как и другие этнические русские, не смогла бы говорить по-русски. Ее сын родился в России, но вернулся в Китай для получения образования, ее брат до сих пор живет в России, а невестка – русская.

Этнические русские не являются русскими.

Сюэ Лиань никогда не думала, что у нее есть выбор, кроме как быть «китайкой».

Гао Сюй не считал, что его русское происхождение оказывает на него какое-либо влияние, и не сомневался, что он чисто китайский человек. Он не поддерживает никаких контактов с родственниками в России.

Любаша всегда представляется, когда принимает гостей у себя дома: «Я китайка, просто этническое меньшинство в Китае – русские».

В деревне Линьцзян и Энхэ, люди удивлены самим вопросом: конечно, я китаец, а что еще? Этнические русские, с которыми я беседовал, были убеждены в своей «китайской» идентичности. Им и в голову не приходило, что может быть другой ответ.

Выводы

Исследование еще не завершено.

В.М. Межуев писал в начале 1990-х гг.: «Нация в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность».

Почему же самоидентификация этнических русских в Китае столь монолитна? Именно по этой причине этнические русские в Китае идентифицируют себя как китайцы? Что они выбрали свою страну вместо своей расы и что они гораздо больше идентифицируют себя со своей страной, чем со своей этнической принадлежностью?

Я надеюсь продолжить попытки объяснить эти вопросы с историографической точки зрения в своих будущих исследованиях.

Список источников

1. Каменских М.С. Рожденные в Китае: судьбы русских репатриантов из Китая в Прикамье 1930-1950-х годов // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2020. № 4. С. 93 – 99. DOI 10.7242/2658-705X/2020.4.9
2. Ли Ц. Образ Китая в языке современной русской литературы (на материале Национального корпуса русского языка) // Современный ученый. 2024. № 4. С. 129 – 133.
3. Свешников А.А. Проблемы международной самоидентификации Китая в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2005. Т. 10. № 10. С. 4 – 19.
4. У Ц. Мультипликационные образы как средство национально-культурной самоидентификации в современном Китае // Философия и культура. 2022. № 8. С. 65 – 76.
5. Chengpei Zh. A study on the role of the Government in the Development of Regional Economic Integration (based on china's example) // Management in Economic and Social Systems. 2022. No. 2(12). P. 77 – 82.

6. Chenyang Li., Feng Qu. A history of the evolution of traditional arts in ethnic minority areas in China: the example of drum culture // *Voprosy Istorii*. 2023. No. 3-2. P. 208 – 213. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi64
7. Marchevsky O. Problem of Intellectual Doubles in Contemporary Research of Russian History of Philosophy (an Example of Russian Narodism) // *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 181 – 186. DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-2-181-186
8. Sang M. Research on mural practice in the context of Chinese rural culture: a case study of the Bouyei ethnic group in China // *Northern Archives and Expeditions*. 2024. Vol. 8, No. 2. P. 71 – 80.
9. Tao Yu. Critical Discourse Analysis of the Image of China in the Russian Version of the Report on the Work of the Government with a Case of Russian Verb Aspects // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 178 – 193. DOI 10.21638/spbu13.2020.202
10. Zhang Hui China and Chinism: reassessment of China in Russian sinology of the late 19th century // *Voprosy Istorii*. 2023. No. 12-3. P. 184 – 195. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202312Statyi71

References

1. Kamenskikh M.S. Born in China: the fate of Russian repatriates from China in the Kama region in the 1930-1950s. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*. 2020. No. 4. P. 93 – 99. DOI 10.7242/2658-705X/2020.4.9
2. Li Ts. The image of China in the language of modern Russian literature (based on the National Corpus of the Russian language). *Sovremennyy Scientist*. 2024. No. 4. P. 129 – 133.
3. Sveshnikov A.A. Problems of China's international self-identification at the beginning of the 21st century. *China in world and regional politics. History and modernity*. 2005. Vol. 10. No. 10. P. 4 – 19.
4. Wu Ts. Cartoon images as a means of national-cultural self-identification in modern China. *Philosophy and Culture*. 2022. No. 8. P. 65 – 76.
5. Chengpei Zh. A study on the role of the Government in the Development of Regional Economic Integration (based on China's example). *Management in Economic and Social Systems*. 2022. No. 2(12). P. 77 – 82.
6. Chenyang Li., Feng Qu. A history of the evolution of traditional arts in ethnic minority areas in China: the example of drum culture. *Voprosy Istorii*. 2023. No. 3-2. P. 208 – 213. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi64
7. Marchevsky O. Problem of Intellectual Doubles in Contemporary Research of Russian History of Philosophy (an Example of Russian Narodism). *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 181 – 186. DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-2-181-186
8. Sang M. Research on mural practice in the context of Chinese rural culture: a case study of the Bouyei ethnic group in China. *Northern Archives and Expeditions*. 2024. Vol. 8, No. 2. P. 71 – 80.
9. Tao Yu. Critical Discourse Analysis of the Image of China in the Russian Version of the Report on the Work of the Government with a Case of Russian Verb Aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 178 – 193. DOI 10.21638/spbu13.2020.202
10. Zhang Hui China and Chinism: reassessment of China in Russian sinology of the late 19th century. *Voprosy Istorii*. 2023. No. 12-3. P. 184 – 195. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202312Statyi71

Информация об авторе

Кун Вэйжань, аспирант, Сибирский федеральный университет, wrankong@gmail.com

© Кун Вэйжань, 2025